

Александр Смышляев

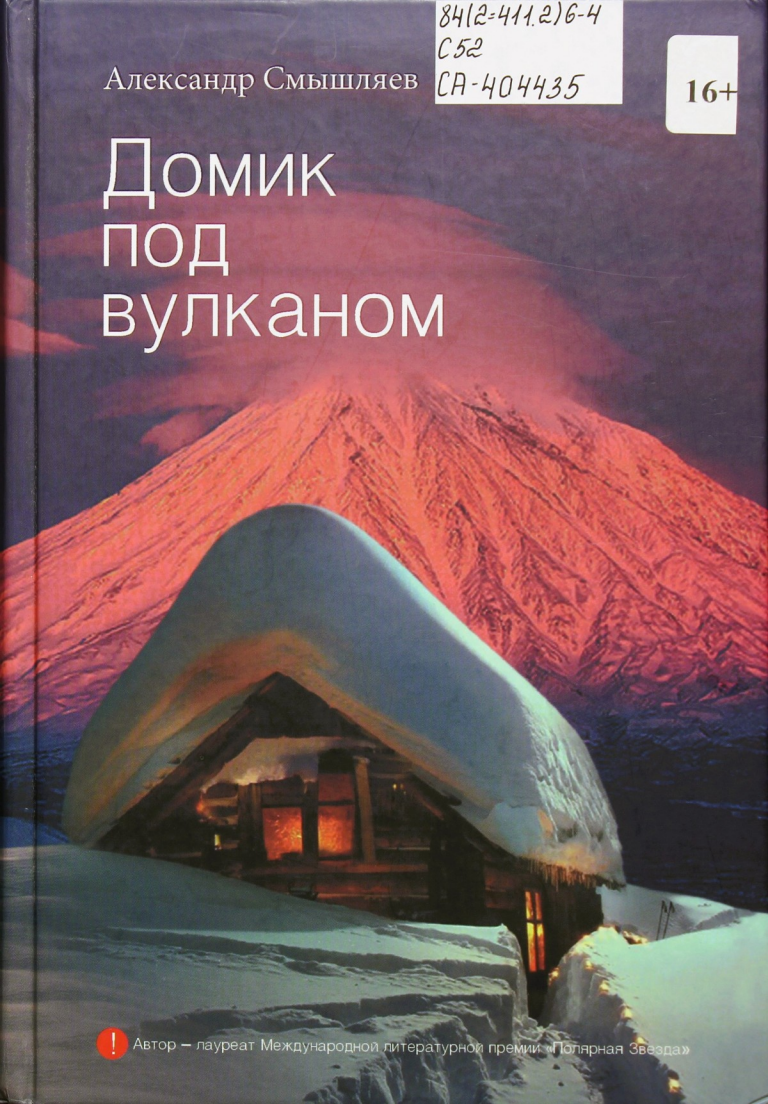
84(2-411.2)6-4

С52

СА-404435

16+

ДОМИК ПОД ВУЛКАНОМ

Автор — лауреат Международной литературной премии «Полярная Звезда»

Александр СМЫШЛЯЕВ

ДОМИК ПОД ВУЛКАНОМ

Государственное бюджетное
учреждение культуры
«Оренбургская областная универсальная
научная библиотека им. Н.К. Крупской»

Петропавловск-Камчатский
Издательство «Новая книга»
2021

СА-404435

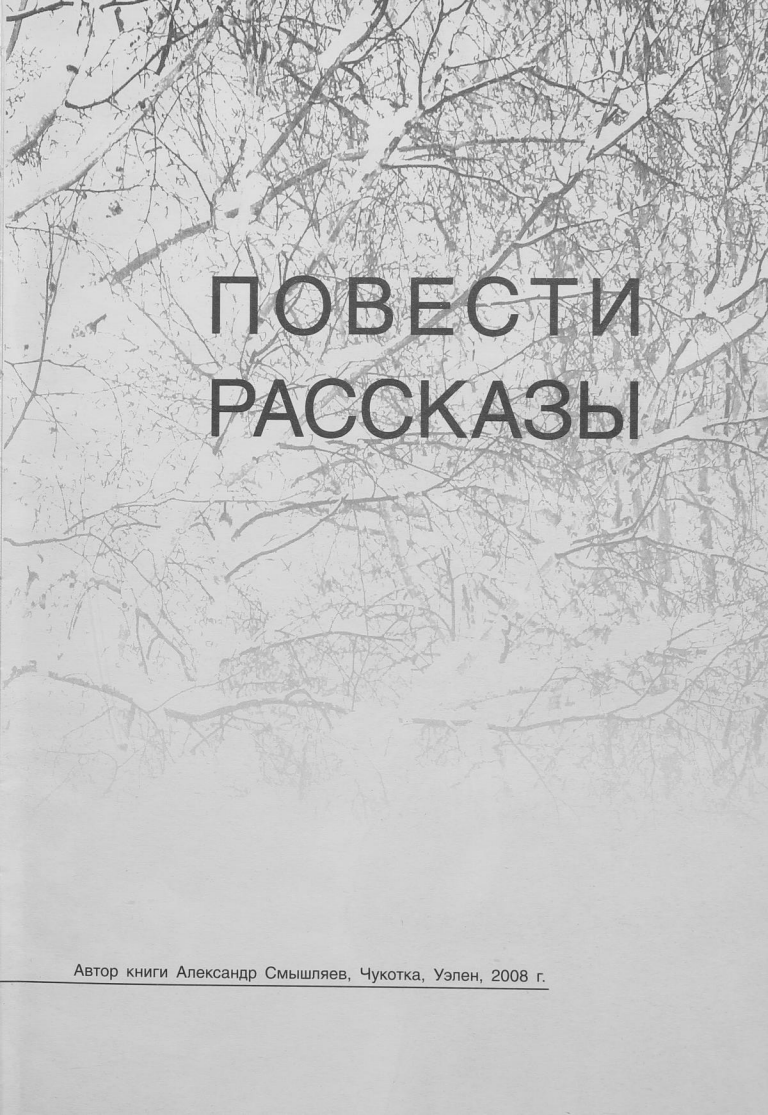
ПОВЕСТИ, РАССКАЗЫ

Чукчаночка	7
Охотница	51
Кони	99
Первое причастие	111

ЖИЗНЬ С КНИГОЙ

За тех, кто в поле	117
Два ярких костра	145
Орлом полетел Коянто	169
Домик под вулканом	185

ПОВЕСТИ РАССКАЗЫ

Автор книги Александр Смышляев, Чукотка, Уэлен, 2008 г.

ЧУКЧАНОЧКА

Повесть

1.

Казалось бы, куда дальше Анадыря могут отправить молодого специалиста! А вот и могут – в чукотское село Энурмино, на берег Ледовитого океана, на заполярную кромку России!

Выйдя из вертолѐта, приземлившегося на голой травяной тундре возле села, Сергей Беляев огляделся, но ничего, кроме жалких лачуг с обсыпавшейся серой штукатуркой на стенах, не увидел. Полсотни почти одинаковых приземистых домиков, растянувшихся вдоль изъезженной кривой улицы, – и ничего больше. Да ледяная каша в Чукотском море у песчаного берега. И это в августе!

– А где ваш клуб? – спросил он у встретившей его председательши сельсовета.

– А я вас туда и веду, – ответила председательша – пожилая чукчанка в ладном джинсовом костюме, но обутая в болотные сапоги с завёрнутыми голенищами. – Пока там и жить будете.

И вот живѐт Сергей в Энурмино уже двадцать лет, заведует клубом, играет на баяне, ведѐт кружки. Полюбил село и Чукотку, стал у чукчей своим человеком, все в Энурмино зовут его Баянистом – местная кличка у него такая. Здесь он встретил Настю, свою чукчаночку, влюбился, женился, и она родила ему дочь Ксению. Имя дочке он выбрал сам, назвал в честь своей мамы.

А Ксения Григорьевна ворчала, когда он впервые привѐз своё семейство в родную Тверь:

Художник Александр Парфѐнов, г. Брянск

– Русскую, по себе, не мог найти? – и, оглядываясь на дверь, шептала: – Чем Галя Смирнова тебе не глянулась, ведь дружил ты с ней одно время? А твоя институтская Любаша, которую даже сюда привозил, знакомил? Такие девки были!

Он ласково обнимал мать, целовал в щёку, успокаивал.

– Влюбился, мама! На этот раз по-настоящему. Ты не смотри, что у неё глаза узкие, зато душа широкая! Скоро сама узнаешь, полюбишь её тоже.

И вправду, полюбила мать Настю ещё тогда, в их первый приезд. Учила готовить русские блюда, рассказывала о привычках сына, хвасталась фотографиями, на которых они с покойным мужем, отцом Сергея, позировали в отпускных поездках по Крыму, Москве, Ленинграду.

Настя тоже души не чаяла в свекрови. Вечерами они сидели на диване, перед телевизором, обнявшись. Настя тихонько напевала чукотские песни, незамысловатые мелодии которых почему-то нравились матери, маленькая Ксюша сладко посапывала в кроватке, пуская пузырьки из припухлых губок.

– Вся в меня! – всякий раз приговаривала Ксения Григорьевна, когда брала на руки внучку. – Я в детстве такой же красавицей была! Испортил Серёжка вашу чукотскую кровь, Ксюшенька русской получилась.

– Ай, ну и пусть, – смеялась Настя. – Раз уж я русского полюбила, будем с дочкой русскими!

Настя работала в Энурмино фельдшерницей, была единственным медиком на всём побережье от Ченина до Колючинской губы. Иногда ездила по экстренным вызовам к оленеводам. Вozил её каюр. И в тот проклятый день он запряг собак в нарту, и они уехали в стойбище в сторону горы Мамы. Роды у молодой чукчанки были тяжёлыми, но всё обошлось. Пока Настя возилась с женщиной, каюр крепко выпил с её мужем и уснул. Разбудить его не получилось. И тогда Настя поехала домой одна...

Собаки прибежали в село с пустой нартou. Настю нашли в тундре замёрзшей...

После похорон жены Сергей ощутил чёрную пустоту в душе. Хотелось хотя бы разок, пусть невзначай, услышать её голос. Он обнимал дочь и шептал ей сквозь слёзы: «Теперь ты говори со мной...»

Из Нешкана приехал отец Насти старый Иттык. Они сидели в не-топленном доме втроём и молчали. Первой не выдержала семилетняя, но резко повзрослевшая после смерти матери Ксения, попросила затопить печь. Сергей спохватился, побежал на улицу за дровами. Печь в доме всегда топила Настя, так её в детстве приучил отец. Сам Иттык долго не шевелился, молча сидел на кухне как чукотский каменный истукан, низко опустив седую лохматую голову. Затем спросил, есть ли в доме жирник.

– Есть! – живо откликнулась Ксения. Она знала в доме всё, хозяйничала вместе с матерью.

Иттык отодвинул на окне занавеску, поставил на стол каменный жирник, налил масла, поправил фитиль и зажёл его спичкой.

– Она не ушла к верхним людям, как требует обычай наших предков, – тихо сказал он. – Ты похоронил её в земле. Значит, она видит наш огонёк и сможет прийти...

Он заплакал. Настя была его любимой дочерью.

Заплакала Ксения, уткнулась лицом в колени Сергея.

«Пусть видит, и пусть приходит», – подумал Сергей. Ему остро захотелось помолиться. Но в доме не было икон, да он и не знал, как это делается. Решил, что в первый же свой приезд в Уэлен зайдёт в часовню и попросит женщин научить его.

После похорон Насти жители Энурмино почти год не слышали сергеева баяна – он увёз дочку в Тверь и сам остался у матери. Но вскоре понял, что это неправильно. Ксения – дитя двух народов, и в этом её богатство. Он должен воспитать дочь так, чтобы она одинаково хорошо знала традиции и культуру русских и чукчей. Значит, им надо вернуться на Чукотку, он должен жить для дочери.

Но прежде он повез её в Петербург – город снова назывался так. Два дня они посвятили Эрмитажу, по вечерам ходили в театры, в Мариинке попали на балет, один день просто гуляли по городу и заходили в храмы. Он впервые перекрестился. Дочь, глядя на прихожан, повторяла их движения, крестилась истово, плакала, ставила свечи и шептала имя мамы. Потом долго стояла перед иконой Богородицы...

Вернувшись в Тверь, Ксения то и дело просила бабушку сводить её в церковь. Она могла подолгу смотреть на Богородицу с Младенцем.

Ксения Григорьевна, не заходившая в церковь ранее, полюбила службы, а вскоре покрестилась вместе с Ксенией.

Пережив и выдохнув горе, Сергей окончательно решил вернуться на Чукотку. Мать уговаривала оставить Ксению у неё, но он не согласился, улетел вместе с дочерью.

В своём сельском клубе он организовал кружок танца, пригласил в руководители молодую чукчанку учительницу Веру, которая выросла в посёлке городского типа Лаврентии и серьёзно занималась народными танцами. Ксюша с удовольствием ходила в кружок и вскоре стала лучшей юной танцовщицей в селе. Особенно ей удавались чукотские пляски с их невероятной пластикой и ритмами.

Но время шло, Ксения подрастала, а в Энурмино была только начальная школа, и Сергей стал думать, где учить её дальше. Выручил случай. Он рыбачил на реке Чегитунь, где встретил компанию рыбаков из Уэлена. Среди них был директор школы-интерната. Выслушав Сергея и узнав, что у того за плечами институт, да ещё и красный диплом, он разрешил ему учить дочку самостоятельно, дома, а весной привозить в Уэлен для испытаний.

В тот же год к ним переехал жить старый Иттык. Сергей как раз завёл себе собачью упряжку, и старик помогал ему освоить этот древний тундровый транспорт.

– Чукча, который погубил мою дочь, был плохим каюром, – сказал как-то Иттык на привале. – Он не учил собак. И вожак у него не оглядывался, когда нарта становилась лёгкой...

– Считаешь, что Настя выпала, а собаки убежали?

– Не только я так считаю, люди на побережье говорили...

Слова старика запали в душу Сергея. Он решил собрать в свою упряжку не только самых сильных и выносливых, но и самых умных собак. Приехав весной в Уэлен на первые годовые испытания Ксюши, Сергей выторговал у местного каюра, купившего себе собак у гонщика с Аляски, щенка хаски, девочку. Той же осенью Иттык привёз из Нешкана молодого хаски-мальчика. Клички им давала Ксюша, она же и возилась с собаками. Девочку назвала Родинкой, потому что отец постоянно говорил, что она нарожает им хороших щенков, а мальчика стала кликать Женихом. Так и вышло, Родинка в первом же помёте от Жениха принесла четырёх синеглазых красавцев-щенков, и все оказались кобельками.

– Это к удаче каюру, – говорил Иттык. – Ишь, пузатые! Хорошо мать сосут, здоровые будут.

Сергей обложился умными книгами по ездовому собаководству, стараясь воспитывать свою подрастающую стаю по науке. Набирался навыков и сам, почти ежедневно делая выезды до десяти, а то и двадцати километров на старой упряжке. И всё чаще брал с собой Ксюшу, приучал к собакам и нарте, чтобы во взрослой жизни с ней не случилось той же беды, что с матерью.

Прошло ещё несколько лет. Умер старый Иттык, Сергей похоронил его рядом с Настей. Ксюша заканчивала программу одиннадцатого класса, готовилась к экзаменам. Она стала красивой девушкой, очень стройной и гибкой, с чёрными и непокорными, как у матери, волосами и светлыми и распахнутыми, как у отца, глазами. Невероятное сочетание! Её притягательная женственность была так сильна, что не только мальчишки-одноклассники, но и взрослые энурминские и уэленские парни стали на неё заглядываться.

В конце февраля из Анадыря пришло известие о готовящейся гонке на собачьих упряжках через Камчатку. В администрацию села Энурмино позвонил директор гонки и попросил позвать к телефону Сергея Беляева.

– Гонка камчатская, – кричал далёкий директор в трубку. – Но зовут и наших, чукотских каюров, потому что старт дают на Камчатке, а финиш планируется на Чукотке. Так сказать, сотрудничество соседних регионов! Мы слышаны про ваше увлечение ездовыми собаками и хорошими успехами. Приглашаем участвовать! Берите отпуск и прилетайте к нам с собачками и помощником. Дорогу, питание и проживание оплачиваем! И призы хорошие!

Сергей, не раздумывая, согласился. Хотелось разнообразия, да и слово «Камчатка» звучало завораживающе.

– Летим с тобой на Камчатку, – объявил он дома Ксении. – Там пройдёт гонка на собачьих упряжках. Я – каюром, ты – моей помощницей, будешь за собаками следить. Испытаем себя, на людей посмотрим.

– Как здорово! – захлопала Ксюша в ладоши. – Камчатка! Моя мечта! А к экзаменам в школе вернёмся?

– Говорят, месяц гонка продлится, но в апреле точно вернёмся, так что успеешь. Давай, дочка, начнём готовиться, до отлёта неделя осталась.

2.

– А это ещё зачем? – смеялся чукотский директор гонки Дмитрий, показывая на баян, лежащий в нарте Сергея.

Они с Ксенией и собаками только что прилетели на вертолёте в Анадырь и как раз разгружались, когда на лётное поле прибежал Дмитрий.

– Папин баян, – ответила Ксения, загадочно улыбаясь. – Он у меня музыкант, и собак приучил к музыке.

– А-а, – недоверчиво протянул директор. – Надо же.

Но тут же оживился:

– Хорошо, что музыкант! Вечерами на привалах весело будет! Да ещё с такой красавицей-дочкой!

На следующий день они на «Аннушке» летели на Камчатку. Собаки лежали тихо, высунув от волнения мокрые языки. К тому же им было жарко. Рядом расположилась упряжка другого чукотского каюра, Николая из Анадыря. Собак разных хозяев, чтобы не разодрались в полёте, разделили нартой, уложенной поперёк салона. Это была нарта Николая, «пижонская», как назвала её Ксения, потому что она была не традиционная чукотская, а гоночная, американская, из пластика. Живущий в Анадыре Николай имел возможность достать себе такую. Да и сам он выглядел весьма экзотично: над крупными чукотскими губами висели редкие, но длинные волоски усов, завитые на концах узенькой верёвочкой. Над губами торчал мясистый нос. А на обветренном до черноты лбу, прямо над щёлками глаз, чернели кругляшками большие светозащитные очки, притянутые к коже широкой резинкой. Дополняла картину островерхая вязаная шапочка с красной надписью «Айдитерод». В ней Николай действительно был похож на каюра аляскинской гонки «Айдитерод», тем более что и одет был в чёрную куртку аляску и такие же чёрные псевдокожаные штаны в обтяжку. И только меховые торбаса чукотского покроя указывали на то, что он житель российского севера.

Закинув ногу на ногу, Николай, расслабленно привалившийся спиной к обшивке самолета, улыбался и показывал директору гонки Дмитрию поднятый вверх большой палец:

– Ол райт! Класс! Чукчи летят, держись, Камчатка!

Упряжка Николая, в отличие от сергеевой, в которой собраны только хаски, выглядела пёстро, состояла из собак разных пород.

Было в ней и несколько хасок, но преобладали тяжёлые чукотские ездовые и длинноногие маламуты. Это сильные собаки, но выносливости на больших дистанциях им не хватает, поэтому Сергей таких не брал, как бы его ни убеждали. Впрочем, сейчас он ничего и не загадывал, потому что они с Николаем ещё не видели собачек камчатских гонщиков.

Вскоре из-под спаренных крыльев самолета далеко внизу выплыл островерхий, до макушки засыпанный снегом красавец-вулкан.

– Почему дыма нет? – озадаченно спросила Ксения, которая всю дорогу не отрывалась от окна.

– Наверное, потухший, – неуверенно ответил Дмитрий. – На Камчатке много и тех, и других. Прилетим, всё узнаем.

Самолёт приземлился на снежном поле, тесно прижатом к горам. Здесь, в селе Эссо, в центре Камчатки, в зоне горной тайги и горячих источников, традиционно проходит старт знаменитой гонки на собаках «Берингия». С некоторых пор на гонку стали приезжать каюры со всей страны, бывали и зарубежные. Теперь вот впервые прилетели чукотские упряжки.

Ксения выводила собак из самолёта, Сергей принимал их снизу, под дверью. Помогли они и Николаю выгрузить его собак, нарту и снаряжение, так как он прилетел без помощника, надеясь найти его здесь.

Чукотцев встречали камчатские каюры. Первым делом они обращали внимание на Ксению, шутили:

– Не знали, что с Чукотки девушка-каюр приедет, да ещё такая красавица, – говорил один.

Другой добавлял:

– Теперь придётся сниматься с гонки, ведь с женщинами мы не воюем. Как быть?

– Как быть? Остаться! – весело отвечал им Сергей, глядя на зардевшуюся Ксюшу. – Это моя дочка, помощница. Прошу не обижать!

Камчатские каюры были из местного народа – коряками, только один – русский, молодой парень Володя Агеев. Он сразу присмотрел Ксению, что было видно по его глазам, жадно разглядывающим девушку, и излишне суетливым движениям, когда он с готовностью взялся помогать ей распутывать привезённых собачек.

Это не ускользнуло от внимания Сергея. «Ох, глаз да глаз за дочерью нужен», – подумал он, незаметно оттесняя Володю от дочери.

А Ксения, выйдя из самолета, залюбовалась видами Эссо. Село лежало в узкой долине реки, тесно окружённой горами с крутыми склонами, заросшими густым, заснеженным лесом. Выделялись редкие высокие ели и массивы белоствольных березняков, но в основном здесь росли северные лиственницы. В высоком голубом небе сияло солнце, и под его лучами золотились клубы пара, поднимающиеся над селом. Это мороз пытался охладить открытые бассейны, наполненные природной горячей водой.

– Обрати внимание: над Эссо только пар, а дымов не видно, да и труб на крышах нет, потому что дома отапливаются подземным кипятком.

Сзади стоял каюр Володя. Он тоже впервые приехал в Эссо, жил в посёлке под Петропавловском, но за два дня, которые уже провёл в селе, успел многое узнать.

– В центре есть общий бассейн, там хоть сейчас можно искупаться.

– Прямо на морозе? – удивилась девушка.

– Вода горячая, холодно только раздеваться, а потом сразу – в воду!

Парня волновала близость Ксении, общение с ней, он и не стремился этого скрывать. И ей были видны и понятны его знаки внимания. Но как отец к этому отнесётся, ведь ей только семнадцать лет?

Она поспешила уйти к упряжке, тем более что пора было отводить собак в ближний лесок на краю лётного поля, где каюрам выделили место для размещения четвероногих. Показать место пошёл Володя. «Навязчивый парень», – снова неодобрительно подумал Сергей, но от помощи не отказался – слишком много корма и упряжки необходимо было перенести.

Все собачки приезжих гонщиков группировались в берёзовом редколесье, каждая упряжка отдельно, чтобы псы не доставали друг друга и не грызлись. Привязав к берёзам собак, Ксения доставала мешок с мороженными гольцами и каждой бросила по рыбине. Всю морозную ночь собаки, зарывшись в снег, будут переваривать пищу и спать спокойно, если, конечно, им позволит это сделать местная вольная свора, галдящая и воющая вокруг, досаждающая чужакам своей злобой и ревнивой ненавистью.

– Двух наших собачек местные уже порвали, – рассказал Володя. – Поэтому по очереди приходим сюда и отгоняем деревенских вольниц, иначе до старта и собак в упряжках не останется.

– Да, это беда севера, – откликнулся Сергей. – Своих-то мы кормим, а вольницы живут впроголодь, вот и мстят хозяйским собакам. А те на привязи, сделать ничего не могут...

Они вернулись на лётное поле, где их дожидались оба директора гонки – камчатский и чукотский. Камчатского звали Александром. Высокий, крепкий русский парень с обветренным, до черноты выбритым лицом, наполовину закрытым меховой оторочкой расшитого эвенского малахая, он был немногословен. Сказал Сергею, что его дочь они поселили отдельно от остальных в местной гостинице, и что её сейчас же туда отвезут на машине.

– Все каюры живут в селе, в общем доме, а тебе, Ксения, как девушке, там разместиться негде, поэтому поселишься в гостинице, – добавил Дмитрий. – Будешь жить там, но питаться придётся с нами, так что вечером приходи. Там же, в гостинице, живут ещё две наших женщины – журналист и учёный-этнограф, найди их, познакомясь, держитесь вместе.

Её отвезли в гостиницу, которая напомнила Ксюше шикарные апартаменты Питера и Москвы, где они с отцом останавливались во время отпусков. Широкая кровать с белоснежным бельём, письменный стол, торшер, душ, комнатная температура. А рядом, под окнами – парящий на морозе бассейн с термальной водой. Скорее туда, в манящую, загадочную вулканическую воду!

Ещё дома отец предупредил, что на Камчатке много горячих бассейнов, где они, возможно, смогут поплавать, поэтому Ксения взяла с собой купальник и тапочки, иначе пришлось бы идти от раздевалки до воды босиком по обледелым доскам настила. Стоял почти тридцатиградусный мороз, голому телу было холодно, но когда ноги коснулись горячей воды, она сначала обожгла их, а затем обволокла приятным теплом, и Ксения опускалась в неё по ступеням бассейна всё глубже, пока не погрузилась по шею и не стала разгонять мокрыми руками пар, чтобы увидеть эту чудо-воду. Она согрелась и застонала от блаженства и, кажется, издала громкий клич восхищения. Это была настоящая вулканическая вода, она даже пахла сероводородом.

Девушка медленно, почти не двигая руками и ногами, поплыла вдоль бортика бассейна. Она была в нём одна, или ей это только казалось, потому что её окружал плотный туман из пара, и в двух метрах уже ничего не было видно. «Боже, почему нет сейчас папы или моих друзей! Зачем мне столько удовольствия одной! Они ни за что не поверят моему счастью! Какие найти слова, чтобы, вернувшись в Энурмино, рассказать об этом?»

Она вспомнила про фотоаппарат, который остался в раздевалке. Но сфотографировать её было некому.

Но тут из влажного тумана выглянуло лицо незнакомой девушки, возможно, горничной.

– Пожалуйста, – попросила Ксения, – в раздевалке, под полотенцем, мой фотоаппарат, мыльница, сделайте фото со мной! Пожалуйста.

Лицо приветливо улыбнулось, кивнуло и исчезло, но вскоре появилось снова, уже с фотоаппаратом возле весёлых глаз.

– Я вас плохо вижу, – сказала девушка, – густой пар мешает.

Ксения подплыла ближе, игриво подняла руки.

– Теперь хорошо. Я снимаю!

Ксения позировала, опять думая о друзьях: пусть увидят на фотографиях её зимнее камчатское купание. Счастливая улыбка не сходила с её мокрого лица.

Накупавшись и с трудом заставив себя покинуть бассейн, она вернулась в номер, ещё раз насухо вытерлась и, упав в тёплом халате на кровать, попыталась уснуть. Блаженство!

3.

Каюры ужинали в своём доме, а женщину-этнографа, журналистку и Ксению пригласили в кафе вертолётчики, сопровождающие гонку на Ми-8. Отец разрешил: «Иди, знакомься с людьми, я ведь постоянно буду в гонке, а ты – с ними, но голову, дочка, не теряй».

Этнографа звали Верой. Ей лет сорок, она из местных народов, ительменка, кандидат наук, поэтому интересно рассказывала о жизни камчатских северян. Корреспондент областной газеты, прошлогодняя выпускница Московского университета Надежда в основном молчала, слушала.

Ксения тоже молчала, ей было непривычно и боязно находиться одной среди чужих людей.

Но вертолетчики располагали к себе, много шутили, галантно ухаживали за женщинами. Рядом с Ксенией сидел второй пилот Юра, молодой парень, только из училища. Напротив них – командир вертолётa, бородатый Петрович, весельчак и балагур. Такой же бородой, но более густой и чёрной, красовался бортмеханик Мамедыч – крепыш-кавказец с острым, но весёлым, как у командира, взглядом. По возрасту он старше всех, поэтому первый тост поднял он.

Ксения пить отказалась, ей налили клюквенного морса. Она впервые находилась в компании лётчиков, до этого видела их только в кабинах вертолетов или самолетов, считала недоступными небожителями, а тут эти люди в синих форменных костюмах сидят с ней за одним столом, бросают озорные взгляды, шутят, рассказывают анекдоты, а Юра вообще уделяет ей слишком много внимания, откровенно приударяет за ней, как сказали бы одноклассники.

– Что это наша милая чукчаночка помалкивает? – глядя на Ксению сквозь бокал с белым вином, спросила Вера. – Ксюшенька, расскажите о себе. Вы такая юная, такая видная, такая необычная – просто прелесть...

Ксения смутилась, но тут же встала и коротко поведала о себе и папе, о том, как их пригласили на гонку, и о том, как они оба рады возможности проехать на собаках через всю Камчатку до родной Чукотки.

– Да, путь неблизкий, месяц ходу, – добавил Петрович, став неожиданно серьёзным. – Две тысячи километров – не шутка. Через снега, морозы, пурги. Но мы с вами до конца, до финиша в чукотском Марково, поэтому ничего не бойтесь и держитесь представителей надёжного воздушного флота. Ура!

Все снова выпили. Юра заботливо подкладывал Ксении кусочки пирожного, подливал чаю.

– Завтра предстартовый праздник в Эссо, – тихо, только одной Ксюше, сказал он. – Мы будем летать над селом, катать детей и взрослых, сбросим парашютистов. Приходи, прокатим. А затем я сам прыгну из вертолётa на планирующем парашюте. Прыжок посвящаю тебе!

– Мне? – девушка снова смутилась, краска залила её милое лицо. Но слова Юры услышали все.

– Да, Юрка у нас парапланерист, – подтвердил командир. – Аппарат всегда при нём. Его смелый выход в небо из воздушного корабля

вдохновит тебя, Ксюшенька, на более пристальное внимание к этому славному юноше.

Журналистка Надя и этнограф Вера захлопали в ладоши, подерживая слова Петровича.

– Как бы потом Юрию на Чукотку не пришлось перебираться? – весело сказала Надя. Но при этом в голосе её послышались ревнивые нотки.

– Зачем? Мы Ксюшку сюда выманим, на Камчатке теплее!

Петрович не унимался, шутил, а Ксения, растерянно улыбаясь, искренне не понимала, как себя вести – смущаться или смеяться вместе со всеми, принимая всё за шутку. Выручил Юра, шепнув ей:

– Ну их! Давай погуляем по селу, воздухом подышим.

Они шли по вечернему Эссо, заваленному снегом, освещённому лишь электричеством, тускло льющимся из окон бревенчатых одноэтажных домов.

– Хорошее село, – говорил Юра. – Я люблю здесь бывать – тихо, уютно, спокойно, много бассейнов. Мы здесь часто базируемся, летаем по соседним посёлкам.

– А мы с папой всё больше на собачках, – откровенничала Ксения, идя рядом с парнем, который, чего уж скрывать, вызывал у неё ответное любопытство. Юра ей нравился: высокий, красивый, аккуратно постриженный, в ладной пилотской шинели и при погончиках с белыми полосками. С ним, наверное, так же надёжно, как с папой.

Они дошли до красивого мостика через парящую тёплую речку и повернули обратно. Юра рассказывал о себе, об училище, Ксения – о своей заочной учёбе в уэленской школе, о Чукотке, о своей мечте стать культурологом, учиться в Петербурге.

– Или этнографом, как Вера, – добавила девушка. – Меня заинтересовала её профессия. Это же важно для Чукотки, и это было бы в самый раз и для меня.

Когда дошли до гостиницы. Юра не осмелился взять Ксюшу за руку, попрощался скромно, отстранённо. Но напомнил, что завтра прыгнет для неё.

– Ой, да ладно, – опять засмущалась девушка. – Только будь осторожен. До завтра!

Спала она беспокойно. Юра занозой вошёл в её сердце. Было немножко стыдно своих мыслей о нём и боязно перед отцом, ведь он

увидит, всё поймёт, он как антенка чувствует дочь даже на расстоянии.

Сергей действительно лёг спать в душевной тревоге. Оставил юную дочь одну с незнакомой компанией и ведь даже сам не узнал как следует этих людей, понадеявшись на их статус и порядочность, рассудив, что никак не должны они хоть чем-то обидеть его девочку...

Утро выдалось хмурым, погода на пределе, ожидался подход циклона из Охотского моря. Руководители гонки задумались о задержке завтрашнего старта, но сегодняшний предстартовый праздник отменить было невозможно, потому что в Эссо понаехали люди со всей Камчатки.

Часам к десяти над сельской площадью за мостом задымились костры и мангалы, запахло шашлыками и кашами. Торговцы сувенирами разложили товар на переносных лавочках. Посередине площади рабочие ещё вчера соорудили высокую дощатую сцену – ожидалось выступление местных и приезжих артистов.

Постепенно собирался народ. Пришли и каюры в праздничных национальных одеждах. Сергей тоже нарядился в кухлянку и малахай, взял баян. Ксения надела свою лёгонькую девичью чукотскую кухляночку, брюки из хорошо выделанной мягкой кожи оленя и расшитые бисером торбаса. У местных эвенов кухлянки другие, распашные, на пуговицах, поэтому Ксению не признавали за свою, провожали любопытными, а чаще восхищёнными, взглядами: ах, какая девушка, откуда здесь такая взялась! А она по-девичьи радовалась взглядам, купалась в них, и с её развешившегося от морозного ветра и счастья лица не сходила улыбка.

«Ай да красавица у меня дочь!» – горделиво поглядывал на Ксению Сергей, идя рядом и думая при этом о Насте, о той радости, которую она бы сейчас испытала, увидев цветущую доченьку. Не мог он забыть жену, не мог. Сколько раз шептала ему при их тайных встречах энурминская учительница Вера: «Давай поженимся, Серёжа», но всякий раз он уклонялся от ответа. Жил ради дочери и не хотел, чтобы кто-то встал между ними.

Подошёл каюр Володя Агеев. Поздоровался, восхитился ксениным нарядом. Она не успела ему ответить, как внимание отвлек гул вертолёта. Он поднялся с лётного поля и низко, почти касаясь крыш,

пошёл в сторону площади. Люди задрали головы и взмахами рук, шапок и малахаев, громко крича, стали приветствовать лётчиков.

И тут вертолёт начал танцевать. Иначе его полёт не назовёшь: машина то легко взмывала в небо, то плавно опускалась к земле, при этом раскачиваясь из стороны в сторону. Не хватало только музыки.

– Танцует! Танцует! – закричали вокруг.

Ксения подумала, что Юра сейчас смотрит вниз, выглядывая её. Надо дать знак! Она взбежала по ступенькам на сцену, сняла с головы малахай и стала размахивать им, призывно крича:

– Э-эй! Я здесь!

И ведь пилоты увидели её! Вертолёт завис прямо над Ксенией, в нём открылось окно, выглянул весёлый Юра, и вниз полетела алая роза. Её отнесло вихрем, поднятым вертолётном, но у земли цветок подхватил мальчик и принёс Ксении. Девушка прижала его к губам. Неожиданные слёзы счастья брызнули из глаз, смывая краску.

«Юра! Юра! – она задышалась, целуя розу. – Юра!»

Вертолёт резко взмыл в небо и стремительно набирая скорость, пошёл над окрестными заснеженными горами.

– Спасибо, летуны! – продолжали кричать люди. – С праздником!

Неожиданно заиграл баян. Это Сергей встал на краю сцены и, азартно улыбаясь, стал наигрывать чукотскую мелодию, под которую любили танцевать энурминские дети. Тут же застучали бубны, стараясь попасть в такт баяну. Это местный эвенский ансамбль пришёл к началу концерта.

Ксения, держа розу в руке, стала танцевать. Бубны стучали вразнобой, не попадая в лад, заданный баяном, но в этой какофонии слышался истинно народный, непридуманный ритм северной музыки, которая одновременно напоминала и шаманскую пляску, и стук разудалых русских каблучков. Лёгкое, пластичное тело девушки летало над сценой, кружило вокруг отца, Ксения улыбалась и прижимала к сердцу розу, и зрителям было понятно, что девушка танцует счастье, ведь все видели, что это ей сбросили с неба цветок.

Но тут опять кто-то крикнул:

– Смотрите, летит!

И люди снова дружно задрали к небу головы.

Над селом парил парашют, а вертолёт уходил в сторону, набирая

высоту. Ксения поняла, что это Юра прыгнул в её честь, как и обещал. Сердце девушки снова учащённо забилося.

А Юра летел над селом, описывая большие круги. Он был опытным парапланеристом, поэтому умело находил восходящие потоки воздуха, стремительно взмывал в небо, а затем снова уходил на большую дугу полёта над Эссо. Он видел, что повсюду, даже на самых отдалённых, тихих улочках села, стояли люди с задранными к небу головами. В нём пела каждая клеточка молодого, сильного тела – и от пьянящего азарта полёта, и от того, что сейчас на него конечно же смотрит Ксения. И он представлял её счастливые и лучистые зеленовато-серые глаза, и милые ямочки на розовых от смущения щеках и подбородке, и пухлые улыбающиеся губы. «Ксюша, Ксюшенька, – мысленно повторял он. – Это для тебя! Смотри, любуйся!»

Он летал долго, наслаждаясь свободным полётом. Его увлечение небом когда-то началось именно с планирующего парашюта, а уже затем он захотел стать лётчиком, поступил в вертолётное училище и вот уже полгода летал вторым пилотом с опытным командиром Петровичем.

Вволю налетавшись и поняв, что люди устали на него смотреть, Юра приземлился на лётном поле, и тотчас сюда же на посадку пошёл вертолёт.

– Папа, я туда, к вертолёту! – крикнула Ксения, подбежав к отцу.

– Ксюша, погоди! Зачем? – попытался остановить её Сергей, да куда там. Девушка спрыгнула со сцены и, пробираясь сквозь толпу людей, собравшихся на площади, устремила к мосту, перебежала на другой берег реки и быстрым шагом направилась по улице села в сторону аэродрома.

Юра уже собрал свой парашют, отнёс в вертолёт, когда прибежала запыхавшаяся Ксения. Юра улыбался, глядя на девушку.

– Спасибо, я всё видела. Было очень красиво!

Она встала перед ним, не решаясь приблизиться. Юра тоже неожиданно оробел и не знал, куда девать руки: то ли спрятать в карманы лётной куртки, то ли держать перед собой.

На трапе вертолёта показался Петрович.

– А вот и благодарный зритель юркиного героизма, – весело произнёс он. И добавил: – Ксюша, чего стоим, поцелуй хотя бы в щёчку героя! Исключительно для тебя старался.

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

Размещение полного текста данного
произведения невозможно в связи с ограничениями
по IV части ГР РФ.

Эту книгу вы можете почитать в Оренбургской
областной универсальной научной библиотеке
им. Н. К. Крупской по адресу: г. Оренбург,
ул. Советская, 20; тел. для справок: (3532) 32-32-49